

В январе 1920 г. Синод и ВЦС назначили советам Московской и Казанской академий на первую половину года по 30 тыс. руб. из общецерковных сумм⁷³. Однако это не могло уже остановить процесс распада духовных школ. К исходу Гражданской войны все четыре духовных академии фактически прекратили своё существование.

Таким образом, советской власти удалось подорвать финансовое положение Православной Российской Церкви и существенно затруднить деятельность её институтов. Однако ожидаемых большевиками последствий – угасания церковной жизни и дискредитации священноначалия – это не вызвало.

⁷³ Там же, д. 26, л. 23.

Подворье Константинопольской патриархии в Москве и межцерковные отношения в 1917–1938 гг.

Священник Александр Мазырин

The metochion of the Constantinople Patriarchate in Moscow and inter-church relations in 1917–1938

priest Alexander Mazyrin (Saint-Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)

События рубежа 1910–1920-х гг. коренным образом изменили условия существования православных поместных церквей в России и Турции. Русская церковь, прежде активно поддерживавшаяся государством, после установления большевистской диктатуры систематически преследовалась и переживала сильные внутренние нестроения, поощрявшиеся новой властью. А Константинопольский патриархат в результате войн, геноцида, депортаций и изменения государственных границ лишился основной массы своей греческой паствы, проживавшей ранее на территории Османской империи, что ставило вопрос о его дальнейшем пребывании в своих исконных пределах.

В такой ситуации Фанар¹, с одной стороны, повёл борьбу за самосохранение на берегах Босфора, а с другой – развернул беспрецедентную экспансию, направленную на трансформацию номинального первенства чести Вселенской патриархии в реальное главенство в православном мире. При этом на практике усиление позиций Константинополя достигалось в основном за счёт ослабления Русской церкви. Важная роль в реализации данной политики, обусловленной не столько межцерковной солидарностью, сколько собственными интересами, отводилась московскому подворью Вселенской патриархии, организованному ещё в 1881 г. Здание, в котором оно располагалось (Крапивенский переулок, д. 4), использовалось и в представительских целях, и как доходный дом. Подворью был передан храм преподобного Сергия, по имени которого оно именовалось «Сергиевским». В течение 30 лет, с 1894 г., его настоятелем являлся архимандрит Иаков Димопуло (Δημοπούλος). При большевиках

© 2016 г. А.В. Мазырин

¹ Район Стамбула, в котором размещается патриархия.

деятельность греков не только не прекратилась, но и заметно активизировалась (особенно в 1920-е гг.). Парадоксальным образом у враждебного религии советского правительства и представителей Фанара нашлись сферы взаимодействия, формы и результаты которого заслуживают внимательного изучения.

Наиболее обстоятельно деятельность греческой духовно-дипломатической миссии в России освещена в монографии диакона Хризостома Калаидзиса «Подворье Вселенской патриархии в Москве “Святой Сергий” и его игумены (1881–1936)»². Автор, будучи клириком Константинопольской патриархии, имел доступ к служебной переписке настоятелей московского подворья с Фанаром, которая и стала основой его труда наряду с другими, преимущественно грекоязычными, источниками. Однако возможности работать в советских архивах у него, очевидно, не было, не использовались им и материалы выходившей в СССР периодики, содержащие немало интересных сведений. Российские историки, как правило, лишь упоминали архимандритов Иакова и сменившего его в 1924 г. Василия Димопуло, особенно часто – в работах, посвящённых обновленческому расколу³. Недавно появился общий обзор действий архимандрита Василия, составленный в основном по публикациям обновленцев 1920-х гг.⁴ Между тем хранящиеся в ГА РФ документы Секретариата председателя ВЦИК позволяют лучше понять основные направления и побудительные мотивы политики представителей Константинополя в Москве.

Поначалу советская власть относилась к ним скорее благожелательно. 20 ноября 1918 г. был выдан охранный документ, подписанный замнаркома Л.М. Караханом: «Народный комиссариат по иностранным делам удостоверяет, что дом константинопольского патриаршего подворья... занят представительством вселенского (константинопольского) патриарха в России, и с своей стороны находит целесообразным освободить таковой от какой бы то ни было реквизиции, а также муниципализации и национализации»⁵. Следуя такой рекомендации НКВД, Юридический отдел Моссовета 2 декабря 1918 г. решил, что на подворье не распространяется действие декрета об отделении церкви от государства⁶. Особо оговаривалась неприкосновенность помещения, в котором размещалась собственно греческая миссия. В январе и октябре 1919 г. Моссовет и НКВД подтвердили, что «квартира № 5 в доме № 4 по Крапивенскому пер., с принадлежащими к ней сараями, чердаками, занята дипломатической миссией вселенского патриарха в России и реквизиции и уплотнению, а также арендной уплате не подлежит»⁷.

Из-за несогласованности действий советских учреждений греки даже смогли получить дополнительное церковное имущество. В сентябре 1919 г. архимандрит Иаков, по-своему истолковав декрет об отделении церкви от государства, обратился в Организационно-учётное отделение Моссовета с просьбой

² Καλαϊτζής Χ. Το μετοχίον του Οικουμενικού Πατριαρχείου εν Μοσχά «Ο αγίος Σεργίος» και οι ηγούμενοι αὐτοῦ (1881–1936). Θεσσαλονίκη, 1991. 838 σ.

³ См., например: Левитин А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996; Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002.

⁴ См.: Мазырин А.В. Последний представитель Константинопольского патриарха в Москве архимандрит Василий (Димопуло) и его церковно-политическая деятельность // Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции. Вып. 12. М., 2013. С. 5–24.

⁵ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 556.

⁶ ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 60, л. 53; ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 555.

⁷ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 565, 566.

«дать в пользование Евангелие, Апостол, подсвечники, престол, аналой и, если возможно, облачение и св[ященные] сосуды для службы»⁸. Спустя два месяца его просьбу удовлетворили, но вскоре предложили «вернуть ошибочно выданные сосуды», напомнив о том, что подворье «не состоит на учёте и не подпадает под действие декрета “Об отделении церкви от государства”»⁹. Тогда архимандрит Иаков написал в Юридический отдел Моссовета, что греческий храм «крайне скуден церковными сосудами и утварью, на пополнение которой миссия не имеет ныне особенно никаких средств». Поэтому он просил оставить переданное церковное имущество, полагая, что это «служило бы видимым общением православного русского народа с Восточною Церковью»¹⁰.

Однако удержать свою собственность в Москве константинопольская миссия не смогла. В 1920 г. здание подворья было на общих основаниях муниципализировано, заселено новыми жильцами и в марте 1922 г. сдано в аренду на 6 лет образованному в нём жилищному товариществу¹¹. Впрочем, квартиру, занятую самими Димопуло, им оставили, а храм преподобного Сергия, в котором они служили, стал в апреле 1922 г. едва ли не единственным в Москве, обойдённым кампанией изъятия церковных ценностей¹². Но греки этим не удовлетворились. Начались хлопоты по возвращению Константинопольской патриархии всего дома № 4 в Крапивенском переулке. Происходило это в обстановке спровоцированного по предложению Л.Д. Троцкого обновленческого раскола в Русской Церкви. В мае 1922 г. от руководства ею насильственно отстранили патриарха Тихона¹³. А уже в июне Троцкий получил от работавшего в его аппарате бывшего священника Михаила Галкина письмо о том, что архимандрит Иаков в течение месяца несколько раз посещал обновленческое руководство. Вселенский патриарх Мелетий IV, говорил при этом Димопуло, «мог бы прибыть на собор в Москву, признать Высшее церковное управление (обновленческое. — А.М.), участвовать в суде над патриархом Тихоном, словом, сделать всё, что нужно Высшему церковному управлению, вплоть до низложения Тихона “по всем каноническим правилам”». Взамен архимандрит добивался, по словам Галкина, «возвращения к моменту прибытия в Москву “его святейшества” дома Константинопольского патриархата и 10 000 турецких лир»¹⁴.

Связь архимандрита Иакова с обновленцами не являлась тайной. В августе 1922 г. он как почётный гость сидел в президиуме съезда «Живой церкви» в Москве¹⁵. Узнав о намерении турок изгнать вселенского патриарха из Стамбула, Димопуло в январе 1923 г. призвал обновленческое руководство «войти с надлежащим ходатайством перед уважаемой советской властью» и попросить её дипломатически поддержать Фанар, «чем советская власть продолжит

⁸ ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 70, л. 186.

⁹ Там же, л. 187.

¹⁰ Там же, л. 188–188 об.

¹¹ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 514.

¹² ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 287, л. 512.

¹³ О роли партийно-советских органов в организации обновленческого раскола как средства борьбы с православной («тихоновской») церковью см.: *Покровский Н.Н.* Предисловие // *Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.*: В 2 кн. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997. С. 34–37, 43–51.

¹⁴ *Иванов С.Н.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // *Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви.* 2014. Вып. 3(58). С. 58.

¹⁵ Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая церковь» в Москве // *Живая церковь.* 1922. № 8–9. С. 6.

своё благотворное человеколюбивое начинание по отношению к угнетённым народам Православного Востока»¹⁶. Обновленцы тогда же опубликовали своё заявление турецкому правительству: «Высшее церковное управление клеймит презрением попытку империалистических государств Запада и Америки превратить православный Константинопольский патриархат в орудие проводимой ими политики закабаления и удушения Турции. Высшее церковное управление уверено, что турецкое правительство, отвергнувши все подобные попытки, найдёт, в согласии с проводимой им политикой веротерпимости, пути и формы к оставлению в Константинополе православного патриарха на условиях полного подчинения его всем законам турецкого государства»¹⁷. Как утверждалось в обновленческом журнале, турецкая сторона, отвечая, подтвердила свою готовность «рассмотреть принятие новой формы, которая позволит полное и свободное исповедание религиозных культов»¹⁸.

В итоге патриархия осталась в Константинополе, хотя, конечно, едва ли обновленцы как-то влияли на её судьбу, обсуждавшуюся тогда, наряду с другими вопросами, на Лозаннской конференции. Британский министр иностранных дел Дж.Н. Кёрзон убеждал там турецкую делегацию отказаться от удаления патриархии из Стамбула при условии, что та ограничит свою деятельность исключительно религиозной сферой. Турки вынуждены были согласиться¹⁹.

Патриарх Мелетий в своей дипломатической игре ориентировался всё же не на большевиков и подконтрольных им обновленцев, а на западные державы, в первую очередь на Великобританию, отношения которой с СССР в тот момент резко обострились. В появившейся в мае 1923 г. ноте Кёрзона упоминался между прочим и затевавшийся в Москве суд над патриархом Тихоном, который рассматривался как деяние, вызывающее «глубокий ужас и негодующие протесты во всём цивилизованном мире»²⁰. Поэтому неудивительно, что политика Константинополя в России была двойственной. Вопреки ожиданиям, архимандрит Иаков не принял участия в обновленческом соборе, состоявшемся в Москве на рубеже апреля–мая 1923 г. и объявившем о низложении патриарха Тихона. Очевидно, что поддержка Вселенским престолом столь одиозного и продиктованного большевиками акта обновленцев вызвала бы весьма негативную реакцию на Западе, а этого патриарх Мелетий допустить не мог.

Вскоре церковно-политическая ситуация и в России, и в Турции существенно изменилась. Патриарх Тихон в июне 1923 г. вернулся к делам. Одним из условий его освобождения, поставленных Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б), было публичное заявление о том, что «Мелетий ставленник Англии», и осуждение «происков» Фанара²¹. Но, несмотря на давление, никаких некорректных высказываний о предстоятеле Константинопольской церкви патриарх Тихон не произнёс. Между тем возвращение Турции Константинополя, ранее занятого войсками Антанты, заставило патриарха Мелетия в июле

¹⁶ Выступление группы белого духовенства «Живой церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Там же. 1923. № 11(1). С. 14.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: *Ермилов П.В.* Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 261–262.

²⁰ *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 182.

²¹ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М., 2014. С. 80–81.

1923 г. покинуть город. Несколько месяцев участь Вселенского престола оставалась неопределённой, лишь 6 декабря 1923 г. его занял новый патриарх Григорий VII. Но ещё в сентябре 1923 г. Антирелигиозная комиссия постановила «переговорить с тов. Чичериным о положении Милетия и Константинопольского синода и в зависимости от этого разрешить вопрос о возврате их представителям находящегося в Москве дома»²². В итоге здание им так и не вернули.

Тем временем после освобождения патриарха Тихона обновленцы в значительной степени утратили прежние позиции. В августе 1923 г. они реорганизовали свои структуры, учредив собственный «Священный синод», решивший прежде всего «восстановить связь с заграничными Восточными православными церквями»²³. Архимандрит Иаков Димопуло к сотрудничеству с ним был готов, но наладить его не успел как из-за неясности ситуации в Константинополе, так и по немощи. 15 января 1924 г. он скончался²⁴, после чего подворье возглавил его племянник Василий. Как сообщили «Известия ЦИК», «16 февраля Димопуло представился турецкому послу Мухтар-бею и вручил ему верительную грамоту от константинопольского патриарха Григория, а 18 февраля он посетил Наркоминдел и представил ему такую же грамоту, в которой константинопольский патриарх Григорий рекомендует его как своего представителя при Советской России»²⁵.

Вслед за этим архимандрит Василий развернул в Москве заметную активность. В марте 1924 г. он передал в обновленческий Синод послание патриарха Григория о введении нового календарного стиля²⁶. В ответ обновленцы выразили патриарху «чувство глубочайшей радости» и известили его о том, что в мае текущего года они намерены провести в Москве «Великое соборное совещание», на которое просили прислать полномочных депутатов²⁷. Одновременно их Синод дошёл «до всеобщего сведения», что «восточная церковь в лице вселенского константинопольского патриарха Григория VII и представителей других восточных патриархов (антиохийского и александрийского), находящихся в Москве, давно порвала всякое общение с бывшим патриархом Тихоном»²⁸. Патриарх Тихон это заявление квалифицировал как обман и сообщил «к сведению верующих», что ему также доставлено архимандритом Василием послание вселенского патриарха о введении нового стиля²⁹.

Постепенно негласное влияние советских представителей на Константинопольскую патриархию возрастало. Сведения об этом проникали в прессу – сначала в турецкую, а оттуда и в русскую эмигрантскую, которая утверждала, что «патриархат, несмотря на свои неоднократные заявления о своей аполитичности, вступил в контакт с местными большевицко-коммунист[ическими] органа-

²² Там же. С. 101.

²³ Протоколы заседаний Св[ященного] синода // Вестник Священного синода Российской православной церкви. 1923. № 1. С. 7.

²⁴ Среди церковников. Новый представитель константинопольского патриарха в России // Известия ЦИК. 1924. 26 февраля.

²⁵ Там же.

²⁶ Послание вселенского патриарха о введении нового стиля // Церковное обновление. 1924. № 2–3. С. 5.

²⁷ Грамота Священного синода к вселенскому патриарху, Григорию VIII // Там же. С. 6.

²⁸ Послание св[ящ.] синода // Там же. С. 8.

²⁹ Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 316.

ми и, исполняя их директивы, повёл кампанию, клонящуюся к дискредитированию русского духовенства»³⁰. Сначала патриарх Григорий выступил против находившихся в Константинополе архиереев Русской Зарубежной Церкви, а затем начал проводить угодную большевикам политику и в самой России.

1 июня 1924 г. на страницах «Известий ЦИК» Димопуло заявил: «Мною получено только что из Константинополя сообщение о том, что константинопольский патриарший Синод, под председательством вселенского патриарха Григория VII, вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте». Тут же сообщалось, что «константинопольский патриарх посылает в Москву авторитетную комиссию из виднейших восточных иерархов для ознакомления с делами Российской Православной Церкви»³¹.

Соответствующие акты Вселенской патриархии были представлены Димопуло на открывшемся 10 июня 1924 г. «Великом предсоборном совещании» обновленцев, в котором он принял участие и даже стал членом президиума. Почётным председателем совещания заочно был избран сам вселенский патриарх³². Самым скандальным являлось постановление, принятое константинопольским синодом 6 мая 1924 г. В нём говорилось, что «по приглашению со стороны церковных кругов российского населения» (т.е. обновленцев) патриарх Григорий принял «дело умиротворения происшедших в последнее время в тамошней братской церкви смут и разногласий, назначив для этого особую патриаршую комиссию». При этом указывалось, что в Москве эта комиссия «должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству». Одновременно Григорий VII выражал пожелание, чтобы патриарх Тихон «ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собой, немедленно удалившись от управления церковью», а московское патриаршество хотя бы временно было упразднено, «как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения»³³. Воспользовавшись таким выступлением Константинопольской патриархии, обновленческий Синод в конце июня 1924 г. разослал циркуляр, в котором извещал: «Греческие митрополиты, представители вселенского патриарха, уже выезжают в Москву. С их приездом нужно ждать полной ликвидации “тихоновщины”»³⁴.

Со своей стороны, патриарх Тихон рассматривал подобное «отстранение» как нарушение церковных канонов, которые за константинопольским патриархом «признавали и признают первенство перед другими автокефальными Церквями чести, но не власти»: «А потому всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со мною, как единственно законным и православным первоиерархом Русской Православной Церкви, без моего ведома не законна, не будет принята русским православным народом и внесёт не успокоение, а ещё большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной

³⁰ К конфликту между Константинопольским патриархом и Русской Церковью // Церковные ведомости. 1924. № 11–12. С. 9.

³¹ Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской Церковью // Известия ЦИК. 1924. 1 июня.

³² Предсоборное совещание // Церковное обновление. 1924. № 7–8. С. 29.

³³ Грамоты вселенского патриарха // Церковная жизнь. 1924. № 2. С. 2.

³⁴ ЦГА Москвы, ф. 2303, оп. 1, д. 12, л. 30.

Церкви»³⁵. После этого общение московского и константинопольского патриархов фактически прервалось.

Всё это, видимо, позволяло архимандриту Василию Димопуло рассчитывать на расположение большевиков. «Населяющий Турцию греческий народ издавна привык уважать, чтить и любить русский народ, от которого он видел много добра, – писал он 21 июля 1924 г. в ЦИК СССР главе Секретариата по делам культов П.Г. Смидовичу. – Россия возрождается, советская власть окрепла и теперь свободно может заботиться не только о своём благополучии, но и об интересах и нуждах маленьких народов. Одолев своих врагов, победив все препятствия, окрепнув, Советская Россия может теперь откликнуться на просьбы пролетариата Ближнего Востока, благожелательного к ней, и тем ещё больше расположить к себе. В Ваших руках, тов. Смидович, сделать имя Советской России ещё более популярным на Востоке, чем оно было ранее, и я горячо прошу Вас оказать Константинопольской патриархии великую услугу, как сильное и крепкое правительство могущественной державы, тем более что вселенский патриарх, признаваемый на Востоке главой всего православного народа, ясно показал своими действиями расположение к советской власти, которую он признал»³⁶.

О какой именно услуге просила Константинопольская патриархия, Димопуло подробно сообщал Смидовичу в особой «докладной записке». Речь шла о здании бывшего константинопольского подворья: «Доход с этого дома за покрытием необходимых расходов по его содержанию, отсылавшийся всегда в Константинополь, употреблялся сполна Вселенской патриархией на культурно-просветительные и благотворительные цели... Хотя прекращение получения патриархией дохода от этого дома существенно отразилось и на её благотворительной деятельности, однако Вселенский патриархат в пережитые Россией годы бурь и потрясений не позволял себе поднимать какой-либо вопрос об этом доме, прекрасно понимая, что исключительные условия, в которых находилось русское государство, требовали и исключительных мероприятий; но когда с наступившим успокоением внутри стала возрастать мощь СССР и жизнь государства быстро начала входить в нормальную колею... Вселенская патриархия, признав с своей стороны бесповоротно утвердившимся ныне существующий в России государственный строй и подкрепив это признание принятием целого ряда энергичных и строгих мер против русского беженского духовенства и вредной для СССР деятельности русской заграничной иерархии и прочих элементов, возбудила перед правительством СССР ходатайство о возвращении ей муниципализированного дома константинопольского патриаршего подворья в Москве»³⁷.

В дальнейшем архимандриту Василию довелось лично пообщаться со Смидовичем, но, несмотря на обещания, подворье грекам не возвращали. Григорий VII торопил своего представителя, и 13 сентября 1924 г. Димопуло направил Смидовичу ещё одну «докладную записку». Упомянув о своём июльском обращении и о состоявшемся тогда между ними разговоре, дававшем «большое утешение и надежду» на «благоприятный исход дела», архимандрит просил передать вопрос «на разрешение высшей правительственной власти, исходатай-

³⁵ Акты святейшего Тихона... С. 322.

³⁶ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 180, л. 10; ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 558.

³⁷ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 559–560.

ствовав или полное возвращение дома Константинопольской патриархии или хотя бы отдачу его в долгосрочное её владение»³⁸.

Подобные обращения сопровождались дальнейшим укреплением единства с обновленцами. 6 ноября 1924 г. Василий Димопуло и ещё один греческий архимандрит стали почётными членами обновленческого Синода³⁹. Спустя полгода за «преданность Священному синоду и за установление тесного канонического общения последнего с Вселенской патриархией» архимандрит Василий был награждён обновленцами бриллиантовым крестом для ношения на клобуке – обычно этого удостоивались лишь заслуженные архиепископы и митрополиты⁴⁰.

Григорий VII скончался 17 ноября 1924 г. Новым Константинопольским патриархом ровно через месяц стал Константин VI. Политика Вселенской патриархии при нём не изменилась, более того, он стал лично обмениваться с обновленческим руководством приветственными телеграммами⁴¹.

Однако вопрос о возвращении грекам подворья в Москве не находил разрешения, у архимандрита Василия начались проблемы даже и с той квартирой, которую он всё ещё занимал. 13 января 1925 г. местное жилтоварищество направило в Президиум ВЦИК заявление, где указывалось, что Димопуло пользовался площадью около 90 кв. м, тогда как норма составляла примерно 8 кв. м (точные цифры приводились в аршинах и саженьях), и не желал платить за излишки. К тому же за ним числился долг за воду, ремонт дома и оплату дворника. В общей сложности, по мнению жилтоварищества, грек задолжал до 1 500 руб.⁴² Архимандрит Василий, в свою очередь, обратился во ВЦИК с просьбой защитить его интересы «как представителя вселенского патриарха, немало потрудившегося в деле сближения своего правительства с правительством СССР». Димопуло хотел, чтобы ему оставили квартиру «на прежних условиях, т.е. без уплотнения и с минимальной квартирной платой»⁴³. Обновленческий Синод также ходатайствовал перед ВЦИК за представителя вселенского патриарха, «много потрудившегося в деле установления добрых отношений между Россией и православным Востоком»⁴⁴.

24 января 1925 г. архимандрит Василий получил подписанное секретарём ЦИК СССР А.С. Енукидзе удостоверение, предоставлявшее в пользование константинопольской миссии квартиру № 5 в муниципализированном доме № 4 по Крапивинскому переулку жилой площадью в 19.82 квадратных сажень с оплатой в размере трёх рублей за квадратную сажень⁴⁵, т.е. как раз «без уплотнения и с минимальной квартирной платой». Для Москвы того времени это были очень неплохие жилищные условия.

Словно в благодарность обновленцам за их содействие, Димопуло принял участие в работе открывшегося 27 января 1925 г. «Всероссийского съезда расширенного пленума Священного синода Российской православной церкви и активных работников по проведению церковного обновления». Архимандрит

³⁸ Там же, л. 557–557 об.

³⁹ Хроника // Церковное обновление. 1924. № 17–18. С. 75.

⁴⁰ Награждение представителя вселенского патриарха в России архимандрита Василия Димопуло // Там же. 1925. № 11. С. 91.

⁴¹ Грамота вселенского патриарха // Там же. № 4. С. 25.

⁴² ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 567–567 об.

⁴³ Там же, л. 563–563 об.

⁴⁴ Там же, л. 562.

⁴⁵ Там же, л. 544.

Василий выразил уверенность в том, что синод «и впредь будет во всём послушен голосу своей Матери – Вселенской Церкви», а также «зорко будет стоять на страже и поддерживать авторитет и высоту Церкви Вселенской от всякого инородного посягательства». «Голос Союза ССР, – утверждал он, – силен и могущественен и всегда может защитить Церковь Вселенскую от всяких непредвиденных и неблагоприятных к ней отношений»⁴⁶.

Столь откровенное изложение архимандритом Василием мотивов, определявших поддержку обновленцев Фанаром, было вызвано очередным обострением отношений между патриархией и турецким правительством. 30 января 1925 г. Константин VI был выслан из Стамбула. Сразу же сообщив об этом в обновленческий Синод, Димопуло добавлял: «Я полагаю, что Русская православная церковь не откажется ходатайствовать пред советскою властью о поддержании вселенского патриарха, об оставлении его на своём троне. В Ваших руках, Ваше Высокопреосвященство, сделать имя Советской России и Священного синода ещё наиболее популярным на Востоке. Я горячо прошу Вас оказать Константинопольской Матери Церкви эту великую услугу, которая тем самым будет и актом силы и могущества русского правительства, тем более что и вселенский патриарх, признаваемый на Востоке главою всего православного народа, ясно показал своими действиями своё расположение к советской власти»⁴⁷. Не трудно заметить, что Димопуло использовал в данном случае текст своего письма, направленного в ЦИК СССР 21 июля 1924 г., заменив только обращение «тов. Смидович» на «Ваше Высокопреосвященство». Да и «великая услуга» теперь виделась несколько иначе.

Обновленцы, выразив архимандриту Василию соболезнования, решили «составить обращение к правительству СССР, в коем просить его сделать представление турецкому правительству об оставлении резиденции вселенского патриарха в Константинополе». Самого Константина VI они приглашали «прибыть в Москву, дабы воспользоваться гостеприимством Русской православной церкви и православного народа»⁴⁸. Такая возможность рассматривалась Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б), постановившей 14 февраля 1925 г.: «а) поручить т. Менжинскому договориться с т. Чичериным; б) не возражать против въезда в СССР патриарха как частного лица, если не будет к тому препятствий со стороны НКВД»⁴⁹. Однако Константин VI в СССР так и не приехал.

Между тем архимандрит Василий настойчиво добивался возвращения подворья. 10 июня 1925 г. он вновь обратился в обновленческий Синод с «усердною просьбою принять участие в ходатайствах перед ВЦИК'ом о возвращении дома прежнему владельцу – Вселенскому патриархату, так как доходы с этого дома шли всегда на благотворительные нужды». Димопуло надеялся, что обновленцы окажут «мощную поддержку этому делу, при каковой оно несомненно будет иметь должный успех, тем более что и срок аренды дома жил[ищным] т[оварищес]вом кончается в настоящем году»⁵⁰. На следующий же день

⁴⁶ Пленум Всероссийского Священного синода 27–31 января 1925 года // Голос православной Украины. 1925. № 4. С. 1.

⁴⁷ На Православном Востоке // Вестник Священного синода Православной российской церкви. 1925. № 1. С. 30.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б)... С. 160.

⁵⁰ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 554–554 об.

Синод переправил письмо Димопуло во ВЦИК с пояснением: «Вселенский Константинопольский патриархат, в лице патриархов Мелетия, Григория VII и Константина VI и их представителя в Москве, определённо стал в своей церковной деятельности за признание советской власти. Несмотря на бешенную злостную агитацию эмигрантов, патриархат строго осудил контрреволюционную деятельность их, осудил деятельность заграничного Синода в Карловцах, привлёк к суду русских епископов в Константинополе и предложил бывшему патриарху Тихону устраниваться от управления Русской Церковью. В Греции, Америке, Зап[адной] Европе и греческим церквам в СССР неоднократно патриархат предписывал “определённо опираться на церковные течения, верные правительству СССР”, возбуждая этим против себя злобу врагов Советской власти... Священный синод считает, что великодушный акт правительства СССР – возвращение подворья – произведёт глубочайшее впечатление: свяжет Православный Восток с СССР чувствами благодарности и рассеет ту тучу обвинений и клевет, которыми политические интриганы и здесь, и за границей возбуждают общественное мнение против советской власти»⁵¹.

19 июня архимандрит Василий направил Смидовичу очередное письмо, в котором сообщил, что ему поручено из Константинополя принести «глубокую признательность Вселенского патриархата за выдачу охранной грамоты квартире представительства патриархии в Москве»: «Внимание, оказанное мне, как представителю, является знаком внимания к вселенскому патриарху, главе православного населения Востока. Там искони высоко стоит значение вселенского патриарха, который всегда приветствовал укрепление в России народной власти, проводшей в жизнь великие лозунги “свободы, равенства и братства”. Дружеское отношение к главе Православного Востока укрепит в сердцах его населения чувства благодарности к Советской России и усилит значение её силы и власти на Ближнем Востоке»⁵².

13 июля 1925 г. константинопольским патриархом стал митрополит Никейский Василий – именно он ранее должен был возглавить комиссию, которую Григорий VII собирался отправить в Москву. «Новоизбранный патриарх Василий, по словам Василия Димопуло, является горячим сторонником СССР», – сообщили «Известия ЦИК»⁵³. Василий III, как и его предшественник, быстро вошёл в общение с обновленческим Синодом. 11 сентября он приветствовал очередной собор обновленцев: «Заочно соприсутствуем с Вами»⁵⁴. Правда, на призыв лично приехать в Москву вселенский патриарх ответил вежливым отказом (что, впрочем, не помешало обновленцам заочно объявить его почётным председателем собора⁵⁵).

Архимандрит Василий решил воспользоваться этим моментом для отражения очередной попытки его «уплотнить», предпринятой правлением жилищного товарищества. В августе 1925 г. оно сообщило Секретариату ЦИК СССР, что площадь используется Димопуло «для своих личных надобностей, и в 7 комнатах, занимаемых им, ни конторы, ни приёма посетителей, ни комнаты для приезжающих совершенно нет..., комнаты занимаются *им одним и 2-мя при-*

⁵¹ Там же, л. 553–553 об.

⁵² Там же, л. 552–552 об.

⁵³ Среди церковников. Новый вселенский патриарх // Известия ЦИК. 1925. 2 августа.

⁵⁴ Письмо Вселенского (Константинопольского) патриарха Василия III // Вестник Священного синода Православной российской церкви. 1926. № 6(2). С. 7.

⁵⁵ Открытие собора. День первый // Церковное обновление. 1925. № 14. С. 111.

слугами (слова, выделенные курсивом, в тексте подчеркнуты. — А.М.), занятыми обслуживанием его и торговлей простоквашей»⁵⁶. Зная, что жилтоварищество намерено забрать у него половину квартиры, архимандрит Василий в сентябре сам обратился в ЦИК: «Нет нужды напоминать правительству СССР о важном политическом значении положения уполномоченного Вселенской патриархии в условиях переживаемого времени, когда общественное мнение народов Западной Европы в вопросах церковных подвергается провокационной обработке врагов СССР: информации и освещения истинного положения религии и церкви на территории СССР представителем Вселенской патриархии является ЕДИНСТВЕННОЮ и при том АВТОРИТЕТНОЮ ОТПОВЕДЬЮ (так в тексте. — А.М.) всем западно-европейским клеветникам на СССР. Ввиду столь очевидного политического веса деятельности уполномоченного Вселенской патриархии было бы вполне целесообразным не только не прекращать его функций созданием невозможных квартирных условий, но и предоставить ему в порядке экстерриториальности бывшее константинопольское подворье, хотя бы на долгосрочную аренду в интересах греческого, ближневосточного (константинопольского) пролетариата на территории СССР»⁵⁷.

Видимо, для «авторитетной отповеди всем клеветникам на СССР» архимандрит Василий принял активное участие в открывшемся 1 октября 1925 г. обновленческом соборе, войдя в состав его президиума⁵⁸. Квартирного уплотнения после этого он на некоторое время избежал, но передачи ему подворья «в порядке экстерриториальности» так и не добился. Проблемы с жилплощадью у него не прекращались. Ещё в июне 1925 г. Моссовет в полтора раза увеличил в городе квартплату, причём излишки должны были оплачиваться в тройном размере. В соответствии с этим правление жилтоварищества подняло архимандриту Василию ставку с трёх рублей за квадратную сажень до четырёх с половиной, не забыв и про излишки, которые он, в отличие от других, не оплачивал⁵⁹. Димопуло платить по новой ставке категорически отказался, ссылаясь на выданное ему разрешение ЦИК СССР⁶⁰. Но в январе 1926 г. секретарь председателя ВЦИК Н.П. Орлеанский попросил его выделить часть квартиры другому жильцу (вернувшемуся из Лондона советскому торговому представителю М.В. Нестерову), обещая при этом, что уже весной помещение ему вернут⁶¹. Отказать архимандрит Василий не смог, но, как потом писал Орлеанский, «выделивши площадь, Димопуло стал чинить препятствия при пользовании кухней и комнаткой, к ней примыкающей (общего пользования)»⁶².

14 сентября 1926 г. архимандрит Василий обратился к А.С. Енукидзе с просьбой вернуть ему занятые Нестеровым комнаты, напомнив, что его деятельность, «как представителя вселенского патриарха, за всё время революции была направлена к рассеянию ложных слухов, распространяемых за границей врагами СССР, и немало содействовала дружескому отношению церковного мира Ближнего Востока с Советской Россией»⁶³. 17 сентября архимандрит снова жаловался секретарю ЦИК на то, что вместо обещанного освобождения

⁵⁶ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 548.

⁵⁷ Там же, л. 547–547 об.

⁵⁸ Открытие собора. День первый // Церковное обновление. 1925. № 14. С. 111.

⁵⁹ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 550.

⁶⁰ Там же, л. 526.

⁶¹ Там же, л. 498.

⁶² Там же, л. 527.

⁶³ Там же, л. 535.

временно занятого помещения ему пришлось поделиться ещё и ванной комнатой. «Усерднейше прошу Вас, – писал он Енукидзе, – оказать свою мощную поддержку представительству Вселенского патриархата, столь много и полезно потрудившегося в интересах СССР»⁶⁴. «Оба заявления Димопуло переданы были в Секретариат ПредВЦИК, – писал Орлеанский. – Пришлось их доложить Михаилу Ивановичу. Михаил Иванович в просьбе Димопуло отказал, о чём последний через Адмотдел и правл[ение] жилтоварищества и был поставлен в известность»⁶⁵. Отказ в выселении Нестерова объяснялся «особыми жилищными условиями в гор. Москве». В то же время Секретариат Калинина по его поручению рекомендовал Административному отделу Моссовета и правлению жилтоварищества принять меры к устранению возникших у Димопуло «недоразумений с соседними жильцами на почве пользования площадью общего пользования»⁶⁶.

Жилтоварищество, однако, решило устранить «недоразумения» с Димопуло более радикальным способом и вообще лишить его, как злостного неплательщика, занимаемой квартиры. Во ВЦИК было сообщено, что «гр. Димопуло, имея возможность, по мнению общ[его] собрания, платить, не платил за отопление, а посему [собрание] постановило: взыскать с гр. Димопуло недоимку и выселить»⁶⁷. 14 октября 1926 г. он был вызван в суд, куда отправил своего представителя, предъявившего там «соответствующие документы». Но заведующий домоуправлением заявил, что «эти документы не имеют значения, так как в данное время гр. Димопуло не является представителем вселенского патриарха и должен рассматриваться судом просто как гр. Димопуло». Формально это было верно, поскольку архимандрита Василия назначал Григорий VII, который к тому времени уже почти два года как скончался, а его преемник Василий III верительную грамоту не обновил. Суд отложил рассмотрение дела до 25 октября⁶⁸.

В тот же день, 14 октября, Димопуло обратился в обновленческий Синод, прося подтвердить его «подлинное представительство». «Я полагаю, – предостерегал он, – что допущение на суде подобных выступлений может весьма неблагоприятно отразиться на дальнейшей деятельности СВЯЩЕННОГО СИНОДА, окружённого враждебным лагерем староцерковников и не только в пределах СССР, но и за границей в эмигрантских кругах. Без сомнения такое явление встревожит и ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА, который верит и надеется, что СВЯЩЕННЫЙ СИНОД Р.П.Ц., связанный братским общением и молитвенным единением со ВСЕЛЕНСКОЙ МАТЕРЬЮ ЦЕРКОВЬЮ, проявит со своей стороны всегда все имеющиеся в его распоряжении меры к ограждению интересов ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХАТА в лице его ПРЕДСТАВИТЕЛЯ в СССР». Признавая «действительную необходимость оградить авторитет архимандрита Димопуло как ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА», обновленцы 19 октября направили письмо, в котором «СВЯЩЕННЫЙ СИНОД ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ просит авторитетного распоряжения ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА о недопустимости как глумления над личностью полномочного

⁶⁴ Там же, л. 532.

⁶⁵ Там же, л. 527.

⁶⁶ Там же, л. 531–531 об.

⁶⁷ Там же, л. 528.

⁶⁸ Там же, л. 529.

представителя ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА в СССР, так и нарушения тех прав, кои в квартирном отношении были предоставлены ему Соввластью как ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА»⁶⁹. Выселять архимандрита из квартиры всё же не стали, но и занятые три комнаты ему не вернули и от уплаты задолженности не освободили. 23 ноября 1926 г. Орлеанский константиновал, что, «по имеющимся сведениям, в настоящее время вопрос улажен»⁷⁰.

Димопуло, как мог, благодарил своих заступников и 20 октября 1926 г. разослал греческим приходам на территории СССР циркуляр, требовавший лояльности к обновлениям: «Во избежание на будущее время грустных недоразумений, предупреждаю всех настоятелей и общины греческих храмов помнить, что и храмы и имущество, составляющие народное достояние СССР, даны правительством СССР во временное пользование, и при нарушении взаимной связи с Священным синодом и уклоне в лагерь староцерковников, как ярко политический, тем самым наводят на себя нежелательные тени политиканства, против которого восстаёт и сам вселенский патриарх»⁷¹.

На Пасху 1927 г. архимандрит Василий выпустил послание к «Греко-Российской Церкви», призвав её «разрешить великую и новую задачу: согласовать с основами Конституции СССР своё независимое от Государства, но ему полезное и для него необходимое положение». При этом он довольно неуклюже пытался доказать полное соответствие советской политики Евангелию: «Христос говорит: “возврати меч твой в его место, ибо взявшие меч мечом погибнут” (Мф. 26, 52), и государство СССР возглашает: долой войну... Христос говорит: “князья народов господствуют над нами и вельможи властвуют ими, но между нами да не будет так, а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою” (Мф. 20, 25–26), и новое на земле государство объявляет: “Долой деспотизм. Вся власть трудящемуся народу. Служение всеобщего труда на место тунеядства: пусть каждый трудится на всех и все работают на каждого и так едят свой хлеб”. Христос говорит: “у кого две одежды, тот дай неимущему, а у кого есть пища, делай то же” (Лк. 3, 11), и рабоче-крестьянская власть стремится к уравниванию всех земных благ, к общению всеми продуктами земного труда в интересах жизни и справедливости по отношению к каждому Человеку»⁷².

16 августа 1927 г. архимандрит Василий в очередной раз обратился к Смидовичу с просьбой вернуть комнаты, ссылаясь на то, что ему «положительно негде будет поместить имеющую прибыть из Константинополя комиссию вселенского патриарха и представителей др[угих] восточных патриархов и Синайского архиепископа (из г. Каира)». Вопрос о прибытии в Москву греческой делегации только обсуждался, но Димопуло писал Смидовичу, что ему «необходимо заблаговременно сделать ремонт этих трёх комнат», и ходатайствовал «о восстановлении права представительства Вселенского патриархата на всю площадь квартиры № 5, закреплённой грамотой ЦИК СССР»⁷³.

Во избежание повторения неприятной для архимандрита Василия ситуации, когда ему в советском суде заявили, что его «документы не имеют значения», 27 сентября 1927 г. Василий III направил председателю ЦИК письмо,

⁶⁹ Там же, л. 529 об.–530.

⁷⁰ Там же, л. 527.

⁷¹ Часть официальная // Вестник Священного синода Православной российской церкви. 1926. № 12–13(8–9). С. 2–3.

⁷² ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 521–523.

⁷³ Там же, л. 524–524 об.

подтверждавшее полномочия Димопуло представлять «пред лицом всех властей в СССР» и защищать «все интересы патриархата, а также и все интересы... патриаршего в Москве подворья во имя св. Сергия»⁷⁴. Передавая это послание Калинин, Димопуло писал: «Со своей стороны, г[осподин] председатель, я льщу себя надеждой, что и впредь я найду со стороны ВЦИК'а помощь, защиту и внимательное отношение к интересам Вселенской патриархии, что послужит лишь к дальнейшему, ещё большему, укреплению доверия, уважения и признательности правительству СССР со стороны народов Ближнего Востока»⁷⁵.

И уже в октябре во ВЦИК поступило очередное его прошение: «Быстро возрастающие запросы культурно-просветительной жизни Востока и отсутствие достаточных средств у патриархии для удовлетворения означенных потребностей побуждают патриархию вторично поставить на Ваше рассмотрение вопрос о возвращении патриаршего подворья. Удовлетворение ходатайства патриархии безусловно будет встречено беднейшим населением всего Востока с энтузиазмом, т.к. средства от дома... пойдут на удовлетворение потребностей нуждающихся. Вселенская патриархия, признав ныне существующий в России государственный строй, приняв ряд энергичных мер против эмигрировавшего из России духовенства и против вредной для СССР деятельности последнего, имеет основание надеяться, что правительство России проявит к ней надлежащее внимание и удовлетворением ходатайства патриархии укрепит существующее сочувствие к себе со стороны как Вселенской патриархии, так и со стороны трудящегося Востока... В настоящее время, когда правительство России находит возможным и необходимым легализовать духовенство путём учреждения Святейшего синода, когда правительством в достаточной степени налажена хозяйственная и политическая мощь страны, патриархия, учитывая также и состоявшееся сближение с правительством Турции и последовавшее возвращение Турецким правительством СССР недвижимого имущества бывшего русского правительства, надеется, что ВЦИК накануне юбилея 10-й годовщины Октябрьской революции проявит по отношению к патриархии присущее правительству СССР великодушие и ходатайство настоящее удовлетворит, чем даст возможность патриархии удовлетворить насущные потребности нуждающихся рабочих и крестьян Востока»⁷⁶.

Советско-турецкие отношения в те годы действительно развивались наилучшим образом, но оставалось не совсем понятно, почему советское государство, получив от турок русское имущество, должно было что-то передавать Константинопольской патриархии, которая в кемалистской Турции вовсе не являлась правительственным учреждением. Ещё большее недоумение вызывал пассаж о том, что «правительство России находит возможным и необходимым легализовать духовенство путём учреждения Святейшего синода» (сотрудники Секретариата председателя ВЦИК поставили поверх этих слов два вопросительных знака). Очевидно, под «Святейшим синодом» архимандрит Василий подразумевал учреждённый в мае 1927 г. Временный патриарший синод при заместителе патриаршего местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском). Видимо, Димопуло готов был использовать в своих интересах не только обновленцев, но и «лагерь староцерковников», который ещё недавно осуждал.

⁷⁴ Там же, л. 513, 520.

⁷⁵ Там же, л. 518.

⁷⁶ Там же, л. 514 об.

Подобие легализации Московской патриархии, которого добился митрополит Сергей, на короткое время дезориентировало архимандрита Василия. До той поры всё было понятно: с одной стороны – советская власть и негласно поддерживаемые ею обновленцы, с другой – не приемлющая обновленчества патриаршая Русская Церковь, которую правящая партия рассматривала как организацию, по сути дела, контрреволюционную и из-за этого отказывала ей в легализации на уровне выше приходов. Поддерживая обновленцев, Константинопольская патриархия проявляла солидарность с советским правительством и ожидала за это ответных «великих услуг». И напротив, если бы Вселенский престол выступил на стороне «тихоновцев», это могло восприниматься как его переход на антисоветские позиции, что для Фанара было непозволительно. После того как Московская патриархия смогла легализоваться в СССР, перед Димопуло встал вопрос, не следует ли переориентироваться на неё, поскольку обновленцев, являвшихся с точки зрения церковных канонов раскольниками (на что Константинопольская патриархия предпочитала закрывать глаза), православный народ в России в массе своей не поддерживал.

В декабре 1927 г. архимандрит Василий по просьбе «тихоновского» сельского иеромонаха Софрония (Несмеянова) из Саратовской епархии выдал письменную справку о том, что «заместитель местоблюстителя патриарха митрополит Нижегородский Сергей и его Священный Синод имеют письменное и молитвенное общение с Великой Христовой Церковью Вселенской и всеми восточными вселенскими патриархами. Вселенская Константинопольская патриархия не может признавать и никогда не признавала женатый епископат и второбрачие духовенства, так как это противоречит правилам церковным, действующим во всей православной Церкви»⁷⁷. Женатый епископат и второбрачие духовенства были характерными особенностями именно обновленцев.

Однако вскоре Димопуло понял, что неверно истолковал изменение церковной ситуации в СССР, и сблизиться с «тихоновцами», даже легализованными, ему не следует. 13 января 1928 г. к нему домой явился судебный исполнитель и в отсутствие хозяина приступил к описи находившегося в его квартире имущества. Поводом для таких действий стала претензия домоуправления, заявившего, что Димопуло задолжал ему 220 рублей за очистку снега. Окончив опись, судебный исполнитель потребовал от грека немедленно освободить чердачное помещение, рабочие для этой цели были уже приведены, и архимандриту предложили выдать им вознаграждение за труды. На вопрос, куда сложить находящееся на чердаке имущество, Димопуло ответили: «Это нас не касается, хоть на улицу». Архимандрит Василий уговорил дать ему трёхдневный срок для переноса вещей, после чего сразу же написал Калинин, жалуясь, что от него требуют «вносить 50–60 рублей ежемесячно круглый год, т.е. даже за те месяцы, когда снега, а следовательно и очистки его, заведомо не бывает!» Димопуло просил «высшего блюстителя революционной законности», как он именовал Калинина, о пересмотре дела и «оставлении в распоряжении патриархии чердачного помещения, как хранилища... ценного имущества»⁷⁸.

Видимо, осознав допущенную ошибку, архимандрит Василий 26 января 1928 г. направил председателю обновленческого Синода доклад, в котором уверял, что иеромонаха Софрония не помнит, поскольку у него «ежедневно бывает

⁷⁷ Косик О.В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М., 2011. С. 195.

⁷⁸ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 507–507 об.

множество разнообразных лиц различных церковных ориентаций». Далее Димопуло категорически утверждал, что «грамоты с таким или даже подобным содержанием... не выдавал и выдать не мог»: «Это было бы тем более странно и непонятно, что, как известно, я, по избранию Собора православных церквей в СССР 1925 г., состою почётным членом президиума Свящ[енного] синода»⁷⁹. Действительно удивительно, как Димопуло мог выступать против обновленцев, будучи, по сути, одним из них.

Официально же Константинопольская патриархия выступала тогда за объединение православных с обновленцами. «Так как, благодатию Божию, теперь проникает всех в обеих ориентациях единый дух... – писал Василий III митрополиту Сергию в декабре 1927 г., – и более не существует внешнего препятствия после легализации со стороны государственной власти и Вашего положения, мы поистине не видим, какое ещё может создаться непреодолимое препятствие к общему рассмотрению и решению на общем соборе»⁸⁰. В Московской патриархии, видевшей в обновленчестве раскол, а не равночестную ей церковную «ориентацию», такой призыв вселенского патриарха отклика не нашёл.

10 июля 1928 г. архимандрит Василий сообщил в Секретариат ВЦИК о том, что «вселенский константинопольский патриарх Василий III обратился к прочим восточным патриархам с запросом, согласны ли они принять участие в организуемой при вселенской патриархии комиссии, которая должна была выехать в Москву для обследования положения церковных дел, согласно приглашения Священного синода и других православных обществ». «Все патриархии, – по словам Димопуло, – выразили своё согласие по данному вопросу. Решено, что комиссия от Вселенской патриархии, в составе 3–4 человек, явится ранее других, для предварительного ознакомления по интересующим их вопросам. Таким образом, следует ожидать прибытия комиссии из Константинополя. Остановиться и проживать во время своего пребывания в Москве комиссия предполагает у представителя Константинопольского патриархата»⁸¹. Далее вновь говорилось о необходимости возвращения трёх комнат, занимаемых Нестеровым, ремонта в них, и отмечалось, что «Вселенской патриархии не был известен факт временного занятия части квартиры представительства»⁸².

Через десять дней, 20 июля, архимандрит Василий опять жаловался Смидовичу на то, что «лица, обслуживающие представительство, принуждены спать на полу в кухне, и секретарская часть лишена возможности работать». Ему, похоже, всё ещё верилось, что его просьба «как представителя почти всех восточных патриархатов», «немало способствовавшего своими докладами к рассеянию лжи и клеветы в отношении к СССР в духовном мире ближнего Востока», будет удовлетворена и «площадь, закреплённая грамотой ЦИК СССР за представительством Вселенского патриархата, останется по-прежнему за ним»⁸³. 23 июля обновленческий Синод просил Смидовича помочь архимандриту и устранить «повод к жалобам»⁸⁴. Со своей стороны, председатель управления

⁷⁹ Указ Свящ. синода от 4 II с. г. № 529 // Тульские епархиальные ведомости. 1928. № 3. С. 14.

⁸⁰ Часть официальная // Вестник Священного синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2(25). С. 2–3.

⁸¹ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 503.

⁸² Там же, л. 504.

⁸³ Там же, л. 505 об.–506.

⁸⁴ Там же, л. 501.

дома в Крапивенском переулке 12 июля с явным недоумением писал Смидовичу о том, что «при наличии жилищного кризиса... поп занимает один 8 комнат»⁸⁵ (видимо, с учётом чердачного и других помещений). Резолюция Смидовича поручала «Орл[еанскому] съездить на место и сговориться с Димопуло о достаточности остающейся площади»⁸⁶. В результате, хотя Нестеров и выехал, к греку вместо него тут же подселили другого соседа.

14 января 1929 г. архимандрит Василий устроил по случаю именин патриарха (и своих собственных) приём, на котором присутствовали все члены президиума обновленческого Синода, а также посол Греции в СССР Накос Пануриас. Пользуясь случаем, Димопуло продемонстрировал гостям, в каких условиях ему приходится жить, чем произвёл сильное впечатление на греческого дипломата. Тот сначала устно призвал обновленцев оказать содействие архимандриту, а 23 января написал им по-французски письмо, сетуя на то, что «условия, которые создались вселением в его (представительства. — *А.М.*) помещение посторонних лиц... нарушают престиж ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА»⁸⁷.

8 февраля 1929 г. обновленцы подробно изложили разговор с послом в своём ходатайстве перед ВЦИК. Пануриас, в частности, приписывал победу обновленцев в американском суде по делу о русском церковном имуществе (Никольский собор в Нью-Йорке) «главным образом засвидетельствованию пред правительством САСШ со стороны константинопольского патриарха о том, что он, вселенский патриарх, находится в каноническом общении со Священным синодом православных церквей в СССР». Сам же посол не мог вступить за Димопуло «только потому, что архимандрит Василий не греческий, но *турецкий* (выделено в оригинале разрядкой. — *А.М.*) подданный»⁸⁸.

Очередная услуга обновленцев не осталась безответной. Как сообщала их печать, с 9 по 12 февраля 1929 г., «впервые за новый синодальный период», архимандрит Василий «участием в богослужениях в центральных храмах Ленинграда привлёк массу верующего народа, а его открытое неоднократное и энергично высказанное одобрение всей обновительной церковной деятельности синодальных работников произвело неотразимое впечатление на массы»⁸⁹. Но и это Димопуло не помогло. 15 марта 1929 г. на февральском ходатайстве обновленческого Синода Смидович оставил короткую резолюцию: «Дело конченное»⁹⁰.

29 сентября 1929 г. скончался патриарх Василий III. Его преемником на Вселенском престоле уже 7 октября стал Фотий II. Не меняя политики, он, как и его предшественник, пытался выступать в роли миротворца, призывая Московскую патриархию объединиться с обновленцами.

26 апреля 1930 г. Димопуло ещё раз напомнил ВЦИК о данном ему в январе 1926 г. обещании весной того же года освободить комнаты, предоставленные Нестерову: «Но прошло уже 4 года, гр. Нестеров выехал, и на его место въехал гр. Полозков... Несколько раз я обращался к т. Орлеанскому с просьбою об

⁸⁵ Там же, л. 502.

⁸⁶ Там же, л. 501.

⁸⁷ Там же, л. 499.

⁸⁸ Там же, л. 499–499 об.

⁸⁹ Хроника церковной жизни // Вестник Священного синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 5–6 (38–39). С. 19.

⁹⁰ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 63, д. 397, л. 499.

освобождении занятого по его просьбе помещения, но он всегда уклонялся от прямого ответа». Архимандрит не забыл ни о просьбе греческого посла, ни о её поддержке обновленческим Синодом. «Но до сих пор никакого ответа я не получил», – заключал он, указывая на «необходимость иметь более приличное помещение для представительства», а также на то, что «гр. Полозков с семьёй является крайне беспокойным жильцом» и относится к нему, «как духовному лицу, крайне враждебно». Судя по тому, что штамп Секретариата председателя ВЦИК с входящим номером был поставлен на данном письме только 3 июля 1930 г., отвечать Димопуло совсем не спешили. Смидович в тот же день наложил резолюцию: «Выселение возможно только в судебном порядке»⁹¹.

Однако какие-то виды на архимандрита Василия у Смидовича ещё оставались, и в сентябре 1931 г. он информировал Сталина: «В Москве постоянно проживает официальный представитель “вселенского патриарха” архимандрит Димопуло. Эта связь используется с пользой для дела... Патриарх всемерно старается сохранить связь с советской властью и с православными церквями, и эти старания приводят к тому, что линии антисоветской он не ведёт открыто и в “крестовых походах” не участвует, хотя в то же время с эмигрантским православным духовенством связан, ведёт свою игру, подрывая влияние и значение за границей митрополита Сергия, местоблюстителя патриаршего престола в Москве, – чем вредит нашей линии»⁹².

К тому времени партийно-советское руководство уже имело успешный опыт использования митрополита Сергия в пропагандистских акциях, направленных против выступлений видных иностранных религиозных деятелей в защиту верующих в СССР («крестовых походов») ⁹³. Видимо, с этим была связана своеобразная заинтересованность в сохранении позиций Московской патриархии за границей. Смидович предлагал активизировать её международную деятельность и осуществить административное «воссоединение староцерковников с обновленцами», за которое ратовала Вселенская патриархия. При этом он выражал опасение, что дальнейшая изоляция Русской Церкви в мире может толкнуть вселенского патриарха на антисоветский путь.

Если бы Сталин дал подобную санкцию, развитие межцерковных отношений пошло бы иначе, что отразилось бы и на положении константинопольского представительства в Москве. Архимандрит Василий (Димопуло) мог бы оказаться в центре направляемого советской властью церковно-объединительного процесса. В этом случае, вероятно, и «престиж Вселенского патриарха» перестал бы нарушаться.

Но Сталин тогда такой санкции не дал. Власть в 1930-е гг. стремилась к ликвидации церковных структур в СССР, а не к усилению их роли за рубежом. Положение архимандрита Василия в Москве окончательно стало бесперспективным. В 1933 г. в Константинополе решили его отозвать, но и это оказалось затруднительным, поскольку в 1932 г. Димопуло был лишён турецкого гражданства и не имел паспорта для выезда из СССР. Теперь он вынужден был просить свою патриархию помочь ему принять греческое подданство⁹⁴.

⁹¹ Там же, л. 498–498 об.

⁹² РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 27, л. 47. Документ частично опубликован, но с неточностями: Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 627–628.

⁹³ См.: Курляндский И.А. Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 157–169.

⁹⁴ Καλαϊτζής Χ. Οр. cit. Σ. 656–658.

4 сентября 1934 г. архимандрит Василий скончался, похоронили его на Ваганьковском кладбище в Москве⁹⁵. Константинопольский патриарх узнал об этом из послания обновленческого Синода⁹⁶. Смерть Димопуло знаменовала окончание целой эпохи в истории греческой церковной дипломатии в России. Формально, правда, представительство Вселенской патриархии в Москве сохранялось, и даже предпринимались попытки назначить преемника архимандриту Василию.

Первым, кто мог претендовать на эту должность, был унаследовавший жилплощадь Димопуло иерей Иоанн Пападопуло (или Попандопуло). До 1933 г. он являлся обновленческим священником в греческом селе под Анапой, а затем по приглашению посла Греции Спиридона Полихрониадиса переехал в Москву и служил в посольском домовом храме. В декабре 1937 г. его арестовали как завербованного греческим послом Пануриасом «для проведения шпионской и к[онтр]р[еволюционной] деятельности»⁹⁷. Попандопуло признал, что Пануриас приезжал в его село в 1926 г. и в приватной беседе говорил ему о желании посольства знать, как живут греки в СССР. Дипломат доказывал, что Попандопуло, «как грек, должен в этом помочь и не ронять свою нацию, а наоборот за неё бороться, не жалея сил, особенно сейчас, когда в Советском Союзе над греками власти издеваются и притесняют их». Согласно протоколу допроса, священник согласился «собирать шпионские сведения и материалы о греках и селениях, где живут греки и русские, об их настроении и отношении к совласти и руководству местной власти, как они относятся к Греции, хотят ли выезжать в Грецию, чем недовольны, что происходит в сёлах, кто в руководстве села, парторганизации и т.д.»⁹⁸. 9 февраля 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Попандопуло к расстрелу, несмотря на его заявления, что «шпионажем он не занимался» и «против сов[етской] власти он ничего не имел»⁹⁹.

В ноябре 1934 г. Фотий II предложил стать его представителем в Москве архидакону Фессалоникийской митрополии Каллинику Хараламбакису, тот выразил согласие, но не получил разрешения на приезд от советской стороны¹⁰⁰. Х. Калаидзис доводит историю константинопольского подворья в Москве до 1936 г., видимо, не обнаружив более поздних упоминаний о нём в документах Константинопольской патриархии. В действительности она завершилась несколько позднее. 5 февраля 1938 г. по постановлению Мособлисполкома и Моссовета храм преподобного Сергия в Крапивниках был закрыт, а местный Коминтерновский райсовет получил разрешение организовать в нём районный дом пионеров¹⁰¹.

Подводя итог, можно констатировать, что деятельность греческой церковной миссии в СССР не помогла политике Фанара, направленной на его возвышение над другими поместными церквями и в первую очередь — над Московским патриархатом. Поддерживая раскол в Русской Церкви и добиваясь расположения советского правительства, греки тщетно пытались заинтересо-

⁹⁵ Хроника церковной жизни // Журнал Московской патриархии. 1935. № 23–24. С. 12.

⁹⁶ *Καλαϊτζής Χ.* Op. cit. Σ. 659.

⁹⁷ ЦА ФСБ РФ, д. Р-40909, л. 40.

⁹⁸ Там же, л. 17.

⁹⁹ Там же, л. 44.

¹⁰⁰ *Καλαϊτζής Χ.* Op. cit. Σ. 750–755.

¹⁰¹ ЦГАМО, ф. 2157, оп. 1, д. 1691, л. 294.

вать его контактами с Вселенским престолом. Но на деле усилия настоятелей Сергиевского подворья свелись к решению «квартирного вопроса», что лишь дискредитировало их миссию. В Московской патриархии такая политика, естественно, вызывала неприятие. Как писал в 1936 г. митрополит Сергей (Страгородский) митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому), «после всех неправд... говорить о разрыве или сохранении общения с Константинополем по меньшей мере поздно»¹⁰².

В 1940-е гг. положение Московской патриархии существенно изменилось, был ликвидирован омрачавший межцерковные отношения обновленческий раскол. Однако представительство Вселенской патриархии в СССР своей деятельности не возобновило. В отличие от других Восточных патриархатов, Константинополь до сих пор не имеет своего подворья в Москве.

¹⁰² Из письма блаженнейшего митрополита Московского Сергия митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию // Голос Литовской Православной епархии. 1936. № 7–8–9. С. 7.